
Циолковский К.Э.

НАУКА И ВЕРА

(1917 г.)

Основу, как элемент материи я признаю за вечный бессмертный, нетленный дух. Его будущее прекрасно. Но мое представление о душе животного или человека совсем не сходно с таким же понятием среднего верующего человека. Какое представление приятнее, лучше для человека и животных, мы постараемся тут решить.

Человек умирает! Что думает при этом средний верующий идеалист? Он не считает свою веру несомненной, но выражает ею свои задушевные желания: самое отрадное, по его мнению, что только можно вообразить.

Кто не имеет такой веры? Она внушена нам с детства, она передана нам поколениями наших предков.

Они уже мечтали о душе, со всеми ее человеческими свойствами, как о чем-то не разрушаемом. Откуда же взялась эта уверенность?

Средний человек и сейчас не понимает, что душевные, умственные и физические свойства есть результат устройства тела и мозга. Каждому, положим, душевному качеству соответствует несколько известным образом расположенных нервных узлов и соединяющих их нервных волокон. В этом уверены многие, изучавшие физиологию и, вообще, знакомые с биологическими и другими естественными науками, - например, врачи, учителя естественных наук, ученые, натуралисты. Они знают, что с разрушением мозга, разрушаются и душевные качества: добродетели, страсти, способности всякого рода, речь, память, воля и т.д. И это относится одинаково к человеку и животным. Также всем известна

зависимость между объемом головного мозга у разных животных и богатством их душевных качеств. Отсюда категорическое отрицание учеными обыденной веры.

У среднего, хотя и образованного человека, эти идеи смутны и потому рождают полу-веру, колебание. Они думают и так и этак, меняют настроение, смотря по обстоятельствам, по внушению, под влиянием книг, разговоров: сегодня так, завтра этак. У простых людей, которым некогда даже думать, не только что углубиться в науку, эта обыденная вера бывает часто даже несокрушима и служит им утешением в трудные минуты жизни. И благо им: лучше что-нибудь, чем ничего. Самообман этот бодрит и дает силы.

Понятно как мог он возникнуть даже у мыслящего человека теперь и в особенности в средние или древние века, когда и ученейшие не имели представления о механизме человека и животных.

Человек мыслящий тогда невольно приходил к идее о независимом от тела существовании души. Говорили ему об этом всем известные факты: смерть, душевные болезни, галлюцинации, сны. Познание же физиологии этому заблуждению не противоречило.

Человек ходил, думал, помнил, любил, работал. Смерть же внезапно разрушала все эти способности. Куда же они девались? Тело цело, мозг такой же, все органы в порядке, но все остановилось. Значит было что-нибудь такое, что приводило животное в движение. Это что-то исчезло.

Видеть исчезнувшее нельзя. Значит оно невидимо. Ясно, что оно ушло с последним дыханием. Оно не составляет тело, потому что тело осталось, каким было. Но составляет то, что живит тело, что существует отдельно.

Оно существует то в теле, то без тела. Приходит и уходит, когда хочет и куда хочет. Придет в тело и оно оживает, уйдет из него и оно умирает: становится неподвижным, бессильным, неодошевленным, не чувствующим.

Вот как думало мыслящее, хотя и незнакомое с физиологией существо. По его мнению, во время сна душа более или менее уходит из тела, также во время обморока, летаргии. Если возвратится, тело оживет, восстанет. Не вернется, - и тело умрет.

Во время сна, думает первобытный философ, душа блуждает, посещает знакомые и незнакомые места, видит известных или неизвестных людей. При пробуждении, она возвращается в тело.

Поэтому, по его мнению, сны могли говорить о неизвестном, далеком, о мире духов.

Удивительные, яркие, осмысленные сны некоторых людей смешивались с действительностью и еще более укрепляли эту веру.

Галлюцинации слуха, зрения и обоняния - также говорили об отдельном, посмертном существовании души С СОХРАНЕНИЕМ ЕЕ НАРУЖНОГО ТЕЛЕСНОГО ВИДА. Психически больные, с расстроенным мозгом люди, видели умерших знакомых, родственников. Они сообщали об этом с полной уверенностью в реальности явлений, так как не могли не верить своим чувствам, которые играли, под влиянием больного мозга, с поразительной яркостью. Понимать же явление они не могли по незнанию биологии.

К этим явлениям особенно здраво и равнодушно относятся врачи-психиатры, так как часто имеют с ними дело.

Иногда та же галлюцинации повторяются у члена семьи. Тогда к ним относятся нередко очень серьезно, как к явлениям сверхъестественным, как к проявлению особо существующей души.

Не у сумасшедших только бывает видения, но и у здоровых, под влиянием каких-нибудь неосознанных условий, напряжения мозга, временного его расстройства, - как бывают болезненные припадки, проходящие без последствий и неповторяющиеся.

Случайные совпадения снов и галлюцинаций с действительностью, пророческие галлюцинации распространяются по всему миру с быстротою молнии и утверждают суеверия. Напротив, не оправдавшиеся видения и сны молчат о себе. Никто не хочет о них говорить как о явлениях, не подтверждающих наши затаенные мечты. Если сотая тысячная доля иллюзий случайно совпала с последующей жизнью, то уж вот вам источник веры. 99% не оправдавшихся предсказаний скромно о себе молчат. И чего же говорить о них, если это так обычно! Как бы было замечательно... тогда другое тело!..

Когда наука говорит, что мысль, разум, знания зависят от мозга, то несведущие, а часто и односторонне образованные люди отвечают: мозги и у барана, и у теленка и у трупа есть, однако...

Допустим, что это знакомство с биологическими науками ведет только к заблуждению и что душа существует отдельно от тела. Пусть, после его смерти, она сохраняет многие свойства, которые имела в теле ранее. Пусть приобретает даже в посмертной жизни

еще другие, например - перемещаться с быстротою молнии во всех направлениях (о чем говорят сны и видения), одолевать тяжесть, не иметь грешных страстей, видеть души умерших родных и знакомых, видеть бога, ангелов и т.д. Если мы это допустим, то должны уже не по науке, а по здравому смыслу допустить то же, хотя и в меньшей степени, для животных. Ведь они, по самому грубому представлению, подобны людям. Биология же еще больше говорит нам об этом подобии, чуть не тождестве.

По странному противоречию, верующие, вообще, совершенно отрицают отдельно существующую душу животного. Между тем, выходит, что и собачья душа, когда оставляет тело, видится с другими собачьими душами, играет с ними, обнюхивается, выражает приязнь и неприязнь к умершему хозяину и его умершим гостям и т.д. Да это просто смешно!

По той же логике существует отдельно душа мушиная, клопиная, тараканья... Первобытный человек как раз все это допускал и считал несомненным. Да и сейчас тому же верят дикари.

Но, положим, все-таки, что душа человека, со всеми своими свойствами, существует отдельно и после смерти, не смотря на все противоречия. Желательно ли это? Продолжение нашей животной, ничтожной, полной заблуждений жизни неужели привлекает вас? Тяжкие воспоминания минувших горестей, утрат, раскаяние, угрызения совести - неужели нам нужны? Неужели это должно составлять основу нашего загробного благополучия? Ведь мы же больше делали зла, больше ошибок, нелепостей и ничтожностей, чем хорошего и доброго! Больше всего было самого узкого эгоизма...

Разве только для праведников продолжение их жизни приятно! Но много ли их? Значит большинству людей жизнь, подобная земной, совсем не может быть желательной. Мне непонятно, почему некоторые так жадно цепляются за нее? Разве, может быть, притягивают свидания с ранее умершими близкими: женой, с мужем, детьми, родителями, хорошими друзьями. Человек к старости все теряет и так сладко все опять получить! Может быть люди не могут представить себе лучшую жизнь и потому рады взять хоть прежнюю.

А суд, а вера в возмездие, в вечные муки! Это к чему? Неужели - потребность человека? Или это высокое стремление к вечной правде, вопль обиженных о мести, о наказании! Эта вера ничего не

сулит большинству, кроме геенны огненной. Приятно ли умирать с такими мыслями. И праведники мало надеются на прощение, и их устрашают вечные муки, неугасающий огонь и гнилостный не умирающий червь. И понимается все это чуть не буквально.

Мыслители, говорившие об этом, подразумевали другое разумное, верное, непреложное (но о том не может быть теперь речи). Согласуется ли эта идея возмездия скольконибудь со здравым смыслом, с правдою добрых, разумных и знающих людей? Положим, вы величайший преступник, убийца, прелюбодей, вор и насильник, разрушающий и свое счастье, и благополучие других людей. Положим, вы безрассудный монарх, послуживший причиной гибели миллионов людей, их ужасных мучений, уродства, разорения и т.д. Заслуживаете ли вы вечной муки?

Тело и его деятельность есть результат устройства его тела и души (мозга). Свою же порочную волю, ум, нравственность, тело, его болезни и недостатки, - он наследует от родителей, получает невольно и не может от них отделаться. Сила обстоятельств, которые еще ухудшили эти злые дары родителей, также не преступником создаются, и он не может их избежать. Прочтенные книги, слышанные речи, выделанные дела, развратившие его, не могли его миновать. Он не был в силах их изменить или устранить с дороги.

В чем же он виноват? За что эти вечные муки? Не есть ли это только невежество и выражение склонности людей к мести, беспощадности, отсутствие великодушия: отсюда ушел без наказания, так там его получишь в избытке, в невообразимом ужасе!!

Но есть ли это также желание как-нибудь устранить негодных людей, предохранить колеблющихся от зла и охранить добрых и невинных?.. И зачем взваливать совершения этого наказания на высшее существо! Добрый человек способен простить. Неужели высочайший к тому же неспособен!

Мы приходим к заключению, на основании знания и добрых чувств, что нет виновных, а есть опасные душевнобольные, или несчастные преступники, которых нужно исправить или, если нельзя, то устранить и сделать безвредными для общества (а не убивая и не мстя им)...

Неужели высший не в силах придти к тому же выводу? Не обида ли это для него? Какое презрение, нашей странной верой о вечном

возмездии, мы выражаем тому, которого мы считаем первопричиной, высшим существом, высшим выражением знания, совершенства и доброты!

Буду стараться в последующем изложении бессмертную сущность вещества (материю) называть духом. Душа же, в отличие от духа, есть совокупность свойств тела, которые с разрушением животного бесследно исчезают. (Мы признаем существование первопричины. От нее, бесконечно удаленной по времени, происходит все, что мы познаем в природе и что не можем познать - ни чувствами, ни умом. Она есть причина и появления вселенной. В сравнении с нею - мир ничто: прах, мимолетная мысль. Для нас, частичек космоса, велик и бесконечен мир - во времени, пространстве, веществе, энергии и чувстве - но не для нее.)

Представление о первопричине во всех религиях не ясно. Но разве то, что мы даем, туманно? Оно, во всяком случае, грандиозно, как ни в одном учении.

Пантеизм не дает места особой первопричине, т.е. отрицает что-либо высшее самого мира. Только представление галилейского учителя О ПРИЧИНЕ согласуется или близко к нашему о ней понятию.

Первопричина милосердна. Это видно из того, что мы ожидаем от предстоящей жизни совершенства. Первопричина настолько же заслуживает название любви, как и мать. Создание ее все живо, так как весь мир есть совокупность бессмертных нетленных духов (атомов). Кроме них ничего нет. Свойства материи есть результат их комбинации и взаимодействия.

Что миг весь жив, даже и к науке прибегать излишне: довольно семени, чтобы любая материя образовала из себя бесчисленное множество таких же семян и живых существ.

Участь каждой частицы природа одна и та же: или нирвана, более или менее близкая к небытию, к обморочному состоянию, - или жизнь, при соблюдении подходящих условий. Нирвана проходит незаметно для духа. Остается, следовательно, одна жизнь.

Итак, участь каждого атома есть жизнь вечная.

Мы доказывали, что жизнь быстро совершенствуется: во всех уголках мира, на всех планетах, после возникновения несовершенной и неприглядной жизни, наступает высшая прекрасная жизнь. Она продолжается бесконечно долго в сравнении с жизнью неудачной, страдальческой. Поэтому

последнюю и считать нечего, так, одно мгновение! Значит судьба всего созданного, всякой материальной точки одна и та же: жизнь вечная, непрерывная и блаженная.

Небытия, как будто, гораздо больше, чем бытия, но первое субъективно не существует, т.е. для духа его нет, так как небытие для духа проходит незаметно, сколько бы миллионов лет оно не продолжалось. Также есть и страдание, но оно, в общем, составляет ничтожную долю бесконечности и потому может не считаться, оно как бы незаметно.

У нас выходит, что и животные, и "мертвая материя" получают то же, что и человек, т.е. судьба их одна и та же. И преступник, и добрый, и умный и неразумный сравниваются и получают одно и то же. Не обидно ли это! Наконец, плодотворна ли такая идея? Не ведет ли она к распушенности воли, к разврату и преступлению? Не поощряет ли халатности, лени, бездеятельности, как магометанский фанатизм?

Но мы не отрицаем естественного возмездия. Оно, очевидно, есть в настоящей и следующей за ней жизни. Действительно, каждый дурной поступок влечет неизбежно наказание в этой жизни. Дурное, грешное есть заблуждение, ошибка. Но каждая ошибка несет дурные следствия, которые и обрушиваются на заблудшего и его близких. Убийцу убивают или лишают свободы. Обманщику не верят и наказывают или презирают. Ленивый голодает. Нарушителя целомудрия убивают или лишают свободы.

Очень часто ограниченный преступник не видит даже ясной связи между его поступком и его натуральным следствием, и приписывает свое наказание чему-нибудь постороннему (напр., действию высших существ).

В будущей жизни неверные шаги настоящей жизни сказываются отдалением совершенства, царства истины, замедлением прогресса, остановкой его, даже движением жизни вспять к первобытному или животному состоянию.

Что же, разве не получает наказания заблуждающийся и в будущей жизни, в которой ему придется возникнуть! Правда, это не то, что "суд" верующих. Определенности такой наша этика не дает.

Но может быть есть и многое другое, что мы не предвидим. Если я даю хоть что-нибудь мало-мальски утешительное, хоть небольшое, приближающееся к лучшим мечтам человечества, то и то не плохо. И такие идеи можно пустить в оборот, не боясь ими натворить бед.

Все же это научный шаг вперед. Ведь современная наука не делает моих выводов.

Будущий прогресс знания даст больше. Даже это несомненно. Смешно было бы и безумно считать свои выводы безусловно верными и полными. Наука существует еще только одно мгновение, разум ограничен и ничтожен (вследствие малости мозга) и выводы его, понятно, несовершенны, неполны и, может быть, ложны.

С другой стороны - ведь и религии так противоречивы! Несомненно, что и симпатичнейшие книги христиан содержат противоречия, несовершенства и невозможности. Такова библия, т.е. книги ветхого завета. Очевидно не все там заслуживает доверия. Евангелие тоже можно объяснить и так и этак. Например, - под огнем неугасимым можно подразумевать непрерывное уничтожение преступных и необщественных элементов, так как род их естественно или искусственно прекращается. А в будущем "огонь вечный" есть только строгий подбор, лишаящий такие элементы возможности размножаться. Непрерывное погашение необщественных элементов не есть ли "огонь неугасимый" и "червь неумирающий"?

Итак, не забудем, что вера научная неполна: она дает только то, что позволяет современный уровень знаний. Но каков он будет через тысячи, миллионы лет существования человечества и его мысли! Лишь сотни лет наука прогрессирует, большую же часть времени - человечество проспало. Если оно вперед не будет проводить тысячелетия в усыплении, то достигнет того, что превысит все мечты самого пылкого воображения, выражаемые наивной верой народов: верой в чудеса, в сверхъестественное, в Бога, ангелов, в духов, в таинственные силы природы и т.д. Но каково все это неведомое - ни наука, ни вера, ни мечты теперь открыть не могут. Пока наша научная вера также поневоле узка и ограничена, как и сама наука. Все же научная вера, как она ни слаба, бесконечно выше разнузданности воображения.